

ВОЗВРАЩЕННОЕ ДЕТСТВО

Они приехали сюда в прошлом году, тёплой и звёздной июньской ночью. Учителя и сельские комсомолы помогали снимать с подвод сонных ребят, укладывали их спать на чистую солому в огромных комнатах белой каменной школы. Это был теперь их дом.

Разглядели детей только утром. Двести мальчиков и девочек двух-трёх лет, маленькие ленинградцы, испытавшие уже все тяжести, все муки блокады. С огромным трудом отправил их родной город на широкую советскую землю, подальше от смертоносного дыхания фронта.

Безучастные, не по-детски печальные глаза, дряблая кожа, тонкие шейки... Нет, они не были похожи на детей.

Часами не отходили от них колхозницы. Они брали детшек на руки, слушали их слабый лепет:

— У меня нет мамы...

— Мою маму немцы убили...

Волнение сковывало горло, потрясённые женщины молчали. А утром они несли к школе коричневые кринки с молоком:

— Ребятишкам на поправку, возьмите, пожалуйста.

Большая советская земля принимала в ласковые объятия своих маленьких, изменённых злобным врагом граждан.

* * *

Дети были истощены. Им нужен был полный покой, усиленное питание. Весь район заботился об этом. На лесозаводе изготовили аккуратные белые кровати. Из лесничества привезли дрова. Из дальнего колхоза приехал посланец с маслом и свежей морковью.

Дети поправлялись медленно. Некоторые из них не могли открыть опухших глаз и жалобно плакали в подушку. На почве авитаминоза у многих упорно не заживали язвочки. Даже самые крепкие не хотели играть в хоровод: больно было братья за ручки. Ребята жались к «тёте», ждали ласки, часто и беспричинно плакали. Не-

которые сидели в углу и часами молчали. По временам кто-нибудь из них вдруг тихо говорил:

— У моей мамы был белый слоник на шляпке...

Обслуживающего персонала в детском доме не хватало. Воспитательницы—девушки-комсомолки работали по две смены сряду. Молодой директор «Дома малютки» Ксана Николаевна Комлева почти не знала сна. За день она успевала побывать в разных концах района. «Наша Ксана»,—стали называть её колхозники.

В «Доме малютки» всегда царит порядок. Цветы, занавески на окнах, чистые, выутюженные салфетки и полотенца.

— У детей нет семьи, нет дома. Мы должны создать им уют родного очага,— часто говорила Ксана девушкам.

* * *

Шли дни. Ребята крепили. У многих больше не слезились воспалённые глаза, кожа утратила старческую дряблость, стала упругой, гладкой. Однажды Серёжа Шилов вдруг весело заел. И Петя Козлов, как ласковый котёнок, замурлыкал какую-то песенку.

Как-то незаметно дети начали бегать, смеяться. Рано утром они поднимают с подушек заспанные, розовые лица и разногласно запевают: «Зайка, зайка, что с тобой?»

Но в глубине детских душ ещё таились незабытые, страшные тени войны. В кабинете врача задвигали столы, и шум за стеной привёл всех детей в ужас, разметал их по углам. «Бомба!»—кричали они. Этот случай глубоко потряс девушек-воспитательниц, он показал, что душевные раны детей не зажили.

Постороннему человеку странно было бы услышать, что на производственном совещании работников детского дома идут длинные споры о том, можно ли выпускать на новогодней ёлке «медведя» с балалайкой.

Решили «медведя» не выпускать. — Дети могут испугаться. И по общему соглашению стали готовить праздник радостный и яркий— смешную, красочную сказку. В тридцатиградусный мороз девушки с помощью местных комсомольцев притащили из лесу ёлку. Комнаты наполнились острым запахом хвоя. Ночами клеили игрушки, готовили ту новогоднюю сказку, без которой детство — не детство.

Утром проснувшиеся ребята были изумлены, очарованы. Да, это была сказка, сон наяву. Возле ёлки плясал зайчик с длинными ушами. Пышнохвостая лиса декламировала стихи. Танцевали нежный свой танец снежинки.

...Однажды письмомосец принёс в «Дом малютки» письмо с фронта. Потом такие письма стали приходить всё чаще и чаще. Фронтвики писали:

«Своей материнской заботой о детях вы помогаете нам».

«Спасибо, товарищи комсомолки! Ваше письмо, в котором вы сообщаете мне о здоровье сына, полно любви к ребятам, материнской заботы о них».

Весной в «Дом малютки» приехал с фронта отец Серёжи Шилова. Он знал, что сын его был при смерти, и ехал, не надеясь почти увидеть своего мальчика. И вот он берёт на руки здорового, веселого ребёнка, обвиняет своего Серёжу. Отец заплакал от неожиданного счастья. И радостные слёзы этого сдержанного человека были лучшей наградой работникам «Дома малютки».

Маленькие ленинградцы вновь обрели отнятое у них врагом детство.

Ц. ТЕЛИЦИНА.

Горьковская область.
Село Мотовилово.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

13 июня 1943 г.

3 стр.